

ЮЛИЯ ЕЛЕС

ПОКА
ЗВУЧИТ
ТЬМА

КНИГА 2

ПАМЯТЬ,
КОТОРУЮ ОТНЯЛИ

Юлия Елес

**Пока звучит тьма. Книга
2. Память, которую отняли**

«Автор»

2026

Елес Ю.

Пока звучит тьма. Книга 2. Память, которую отняли / Ю. Елес —
«Автор», 2026

Она помнила, как пыталась спасти человека, которому доверяла. А потом осталась только Пустота. Без магии, без связи с близкими и почти без надежды вернуться домой Мираэль оказывается один на один с тем, от чего её когда-то пытались защитить. Но самое страшное скрывается не во тьме, а в собственной памяти. Детство, которого она не помнит. Обещания, о которых забыла. Человек, чьё настоящее имя изменило всё. Каждое возвращённое воспоминание заставляет Мираэль иначе смотреть на тех, кого она любила, кому верила и кого считала своими врагами. Теперь ей предстоит не просто узнать правду, которую от неё скрывали. Ей придётся решить, что делать с этой правдой — и можно ли снова довериться тому, кто однажды разрушил её мир. Ведь вернуть память ещё не значит вернуть себя.

© Елес Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	28
Г	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Пока звучит тьма. Книга

2. Память, которую отняли

ГЛАВА 1

Пустота

Сначала не было ничего.

Не темноты.

Не тишины.

Даже пустота — слишком точное слово для того, что существовало вокруг.

Потому что для пустоты нужно хотя бы понимать, где заканчивается одно и начинается другое. Нужно знать, что должно было быть на этом месте. Стена. Небо. Земля. Свет.

Откуда взялась сама мысль?

Она появилась и исчезла, не успев оформиться до конца.

Потом пришла другая.

Кто-то есть.

Не рядом.

Не впереди.

Вообще.

Кто-то существует.

Этого знания было мало, но оно стало первым, за что удалось зацепиться.

Некоторое время — если здесь вообще существовало время — больше ничего не происходило.

Не было дыхания.

Не было звука сердца.

Не было ощущения холода или тепла.

Нечему было болеть.

Нечему дрожать.

Нечему бояться.

И всё же что-то продолжало оставаться.

Сознание.

Что это?

Сначала оно было просто ощущением: тонким, почти неразличимым присутствием, которое почему-то не растворялось вместе со всем остальным.

Потом возник вопрос.

Что?

Он исчез.

Вернулся.

Что это?

Ещё позже:

Кто?

Слово задело что-то внутри.

Кто.

Не что.

Кто-то.
Мысль попыталась удержаться, но она рассыпалась.
Пустота вокруг не сопротивлялась. Она вообще ничего не делала. Не давила, не звала, не пугала.
Наверное, поэтому становилось страшнее.
Потому что страх тоже пришёл не сразу.
Сначала появилось различие.
Есть всё остальное.
И есть...
Я.
Мысль вспыхнула так резко, что на мгновение будто стало светлее.
Я.
Она показалась неправильной.
Чужой.
Слишком большой для того крошечного ощущения, которым я была.
Я.
Кто я?
Ответа не было.
Я повторила вопрос.
Не вслух. У меня не было голоса. Или я не знала, как им пользоваться.
Кто я?
Пустота не ответила.
Я попыталась вспомнить.
Само действие оказалось странным. Как будто я тянулась к двери в комнате, которой не видела, и раз за разом хватала воздух.
Там что-то должно было быть.
Я была в этом уверена.
Имя.
У меня должно быть имя.
От этой мысли страх наконец приобрёл форму.
Если у меня есть имя — почему я его не знаю?
Если я не знаю собственного имени — откуда вообще знаю, что имя у меня было?
Я снова попыталась вспомнить.
Ничего.
Тогда ещё раз.
И ещё.
Каждая попытка оставляла после себя ощущение движения, хотя двигаться было нечем.
Где-то очень далеко мелькнул цвет.
Серебряный.
Он исчез раньше, чем я успела понять, что увидела.
Я вцепилась в него мысленно.
Серебро.
Почему серебро?
Ответ не пришёл.
Вместо него — холод.
Не настоящий.
Воспоминание о холоде.
Чьи-то пальцы.
Нет.

Не пальцы.
Металл?
Снег?
Лёд?
Картинка развалилась.
Я не знала, почему от этого стало хуже.
Потом появилось другое.
Тёмное пятно на светлой стене.
Тень.
Слово пришло легко.
Тень.
За ним — ощущение присутствия.
Знакомого.
Раздражающего.
Надёжного.
Слово было почти рядом.
Я потянулась.
М...
Что-то соскользнуло.
Я попробовала снова.
Мор...
И вдруг имя всплыло целиком.
Морвэн.
В пустоте будто что-то дрогнуло.
Морвэн.
Я знала это имя.
Знала его голос.
Знала привычную насмешку, от которой хотелось закатить глаза.
Знала тёмный силуэт у стены.
Знала, как он произносит моё...
Моё имя.
Я замерла.
Моё.
Имя.
Мира.
Нет.
Не так.
Слово пришло слишком мягко. Слишком коротко.
Мира...
Мираэль.
Я.
Мираэль.
Вспоминание ударило так внезапно, что впервые возникло ощущение боли — не телесной, а такой, от которой хотелось согнуться, хотя тела по-прежнему не существовало.
Мираэль.
Я повторила имя снова.
И ещё раз.
Каждый раз оно становилось более настоящим.
Я — Мираэль.

Дальше память начала возвращаться не по порядку, а обрывками.
Не как страницы книги.
Как осколки стекла, которые кто-то бросал один за другим.
Дворец.
Ночь.
Синие огни под деревьями.
Академия Велария.
Лана.
Мама.
Отец.
Каэль.
На его имени внутри что-то сжалось.
Каэль.
Серебряная магия.
Спокойный голос.
Рука поверх моей.
Браслет.
Я попыталась почувствовать его.
Ничего.
Само желание возникло раньше, чем я успела осознать, что делаю.
Связь.
У меня была связь.
С Каэлем.
И с Морвэном.
Где они?
Вопрос оказался первым по-настоящему ясным.
Где они?
Я попыталась позвать.
Морвэн.
Ничего.
Ещё раз.
Морвэн.
Пустота осталась такой же.
Каэль.
Ничего.
От страха мысли начали возвращаться быстрее.
Эрэбия.
Лес.
Разломы.
Храм.
Сайн.
Алькарин.
Арин.
На последнем имени память споткнулась.
Арин.
Я увидела его лицо.
Не ясно.
Кусками.
Улыбку.

Тёмные волосы.
Раздражающую лёгкость, с которой он говорил даже тогда, когда был ранен.
Потом кровь.
Очень много крови.
Я попыталась остановить воспоминание.
Не получилось.
Лес.
Серебряная нить.
Связь с Морвэном оборвалась.
Браслет Каэля остыл.
Я уже собиралась уйти.
Крик.
— Мираэль!
Арин.
Я пошла к нему.
Конечно, пошла.
Следующий обрывок пришёл вместе с болью, которой всё ещё не было в настоящем.
Тварь.
Удар.
Земля.
Кровь во рту.
Магия.
Моя?
Слишком большая.
Слишком яркая.
У этого не было имени.
Я не знала, что это было.
Только помнила: что-то случилось со мной в тот момент — что-то невозможное, слишком большое, чтобы быть обычным всплеском силы.
Что именно произошло, память пока не отдавала.
Оставалось только ощущение.
Мир на мгновение стал прозрачным.
Линии.
Узлы.
Связи.
Не сила.
Структура.
А потом Арин.
Раненый.
Я держала его.
Пыталась...
Спасти.
Да.
Я пыталась спасти его.
Следующий образ оказался почти невыносимо чётким.
Его лицо.
Моя ладонь.
Магия уходила из меня так быстро, что я уже не понимала, где заканчиваюсь сама.
Он что-то говорил.

Я не слушала.
Нет.
Слушала.
Просто не могла остановиться.
Потом его голос изменился.
Стало страшно.
Не мне.
Ему.
Он боялся.
За меня?
Я не знала.
Последние секунды дрогнули.
Его рука.
Мой затылок.
Одно короткое слово.
— Мира.
Я мысленно вздрогнула.
Теперь оно звучало иначе.
Не как имя, которое я пыталась вспомнить.
Как чей-то голос.
Его голос.
А потом:
— Прости.
Темнота.
Я застыла в пустоте, держась за эти два слова.
Прости.
За что?
Вопрос не получил ответа.
Я попыталась вспомнить дальше.
Ничего.
Воспоминание обрывалось ровно там.
Ладонь на затылке.
Голос.
Темнота.
И теперь — это.
Я впервые сформулировала мысль полностью.
Я умерла?
Она не вызвала паники.
Наверное, потому что паниковать было всё ещё нечем.
Я рассмотрела предположение почти спокойно.
Последнее, что я помнила, — я отдавала Арину магию, пока едва оставалась в сознании.
До этого меня едва не убила тварь.
До этого я решила пройти туда, где связь с Морвэном и Каэлем исчезла.
Список решений, приведших меня к возможной смерти, выглядел неприятно убедительно.
Если я умерла, то...
Я остановилась.
То Арин?
Он выжил?

Эта мысль оказалась неожиданно важнее моей собственной смерти.
Я вспомнила кровь.
Его дыхание.
То, как он пытался остановить меня.
Если я всё-таки довела дело до конца...
Хотя бы пусть он жив.
Почти сразу за этим пришло другое.
Лана.
Почему-то именно она.
Не Совет. Не дворец. Не все вопросы, на которые я так и не получила ответа.
Письмо.
Её второе письмо всё ещё лежало у меня на столе.
Я читала его кусками между занятиями, встречами, очередными попытками понять, что происходит вокруг. Каждый раз думала: вечером сяду и отвечу нормально. Не двумя строчками. Не «я жива, дворец пока тоже». По-настоящему.
Расскажу, как всё здесь.
Поспрашиваю про Веларию.
Пожалуюсь.
Она пожалуется в ответ.
И мы снова будем разговаривать так, будто между Академией и Эрэбией нет никакого расстояния.
Я всё откладывала.
Завтра.
Потом.
Когда станет чуть спокойнее.
Теперь, если я действительно умерла, спокойнее уже не станет.
И я ей не отвечу.
Никогда.
Мысль была такой простой, что от неё стало почти больно.
Лана сначала разозлится.
Я знала её достаточно хорошо, чтобы представить это совершенно ясно.
Скажет, что я идиотка.
Что нельзя исчезать после двух писем.
Что принцессы, оказывается, тоже обязаны соблюдать элементарную вежливость.
А потом кто-нибудь расскажет ей правду.
Если вообще будет что рассказывать.
Мне захотелось сказать ей хотя бы сейчас: прости.
Не за смерть.
За письмо.
За все наши «потом», которых вдруг оказалось слишком мало.
Следом пришла мама.
Не королева Эрэбии.
Мама.
Её руки.
Её привычка сначала поправить на мне какую-нибудь совершенно несуществующую складку, а потом уже спросить, как я себя чувствую.
Я столько злилась на неё.
Столько раз мысленно репетировала разговор, в котором наконец заставлю её рассказать всё.

Про моё детство.
Про лес.
Про то, что от меня скрывали.
Мне казалось, впереди ещё будет время и для злости, и для ответов, и для того, чтобы однажды перестать злиться.
А если времени больше нет?
Отец.
Его осторожные формулировки.
Усталый взгляд.
То, как он всегда пытался держать между мной и опасностью целое королевство, даже когда опасность уже стояла рядом.
Я не успела сказать ему, что понимаю больше, чем хотела понимать.
И что всё равно злюсь.
Оказывается, эти две вещи вполне могут существовать одновременно.
Каэль.
От одного имени стало тяжело.
Я оставила ему импульс.
Направление.
След.
Сделала всё, о чём мы договорились.
Как будто этого достаточно.
Если я умерла, последнее, что он получил от меня, было не прощание.
Координаты.
Потрясающе.
Очень в моём стиле.
Он будет искать. До тех пор, пока не найдёт хоть что-нибудь.
А если найдёт только выжженную землю и кровь?
Я представила его лицо и сразу заставила себя перестать.
Не получилось.
Морвэн.
Если смерть действительно обрывает связь, то он уже знает.
Не где я.
Не что произошло.
Только то, что меня больше нет там, где я должна быть.
Он будет злиться.
На меня.
На себя.
На весь мир за компанию.
Пусть злится.
Только бы не решил, что снова не успел.
Я ведь оставила ему след именно поэтому.
Чтобы он знал.
Чтобы не пришлось угадывать.
И всё равно в конце получилась тишина.
Алькарин.
Я даже не успела нормально убедиться, что он восстановился после храма.
Не успела спросить половину того, что собиралась.
Не успела выслушать очередную историю, в которой он совершенно случайно оказывался самым мудрым существом из всех присутствующих.

Не успела снова сказать ему, что он невыносим.
Странно.
Я всегда думала, что смерть — это прежде всего конец будущего.
Оказалось, страшнее всего были мелочи из прошлого, которые я считала незавершёнными только временно.
Письмо, на которое можно ответить завтра.
Разговор, который можно продолжить позже.
Объятие, которое не обязательно сейчас.
Слова, которые человек и так наверняка знает.
Если я умерла, никакого «позже» больше не было.
Я не увижу Лану.
Не услышу маму.
Не поспорю с отцом.
Не увижу, как Каэль делает вид, будто не волнуется.
Не услышу Морвэна у себя за плечом.
Не увижу Алькарина.
Никого.
Вот тогда страх стал другим.
Тяжёлым.
Настоящим.
У него больше не было формы пустоты.
У него были лица.
Я попыталась закричать.
Не получилось.
Попыталась вдохнуть.
И именно тогда впервые почувствовала, что мне нечем.
Паника вспыхнула мгновенно.
Мне нужен воздух.
Мысль была настолько очевидной, что я не поняла, почему раньше её не было.
Воздух.
Вдох.
Грудь.
Лёгкие.
Тело.
Где моё тело?
Я попыталась пошевелиться.
Ничего.
Снова.
Ничего.
Я не чувствовала рук.
Не чувствовала ног.
Не чувствовала лица.
Вообще ничего.
Только сознание, которое внезапно вспомнило, что должно находиться внутри чего-то.
Я пыталась дышать.
Не получалось.
Страх превратился в ужас.
Вдохни.
Я не могла.

Вдохни.
Нечем.
Вдохни!
Что-то резко дёрнулось.
Боль пришла первой.
Настоящая.
Грубая.
Режущая.
Будто меня одним движением затолкнули обратно в слишком тесное тело.
Я вдохнула.
Воздух ворвался в лёгкие так резко, что я закашлялась.
Звук оказался оглушительным.
Мой собственный кашель разлетелся вокруг и исчез, не встретив ничего.
Я согнулась.
Теперь было чем.
Колени.
Живот.
Грудь.
Руки.
Я чувствовала их не сразу и не полностью.
Сначала пальцы.
Они покалывали.
Потом ладони.
Запястья.
Локти.
Каждая новая часть тела возвращалась с болью, будто долго лежала без движения.
Я попыталась открыть глаза.
Несколько секунд не происходило ничего.
Потом веки дрогнули.
Я увидела...
Ничего.
И закрыла глаза обратно.
Разницы не было.
Темнота оставалась одинаковой.
Но теперь я хотя бы знала, что глаза существуют.
Я подняла руку.
Движение отозвалось тяжестью во всём плече.
Перед лицом что-то мелькнуло.
Пальцы.
Бледные.
Мои.
Я смотрела на них слишком долго.
Пять.
На месте.
Я сжала ладонь в кулак.
Разжала.
Повторила.
Смешно.

Я столько лет могла заставить тень подняться со стены, раскрыть крылья, пройти через переход, удержать магию в форме клинка — и сейчас почти плакала оттого, что смогла согнуть пальцы.

Я провела ими по лицу.

Лоб.

Нос.

Губы.

Кожа была холодной.

На щеке засохло что-то.

Кровь?

Я не видела цвета.

Слишком темно.

Ладонь спустилась к шее.

Пульс.

Слабый.

Но настоящий.

Я закрыла глаза.

— Жива, — попыталась сказать я.

Голос вышел хриплым шёпотом.

Я замерла.

Собственный голос звучал незнакомо.

— Я жива.

На второй раз получилось лучше.

Облегчение должно было прийти.

Не пришло.

Если я жива, где я?

Я медленно опустила ладони на поверхность под собой.

Твёрдая.

Гладкая.

Холодная.

Но я не могла понять, что это.

Камень?

Земля?

Пол?

Я провела рукой дальше.

Никакой текстуры.

Ни пыли.

Ни трещин.

Ни травы.

Просто поверхность.

Я попыталась сесть.

Мир качнулся.

Я почти сразу рухнула обратно, успев выставить руку.

Локоть отозвался болью.

— Великолепно.

Слово прозвучало жалко.

Почему-то это немного успокоило.

Если я способна раздражаться, значит, не совсем уж всё потеряно.

Я лежала ещё немного.

Сколько — не знала.
Здесь не было света, по которому можно было судить о времени.
Не было звуков.
Не было даже ощущения воздуха на коже.
Только моё дыхание.
Пульс.
И слабая дрожь в мышцах.
Когда я попыталась подняться во второй раз, получилось лучше.
Сначала на локти.
Потом на колени.
Потом я встала.
И тут же едва не упала.
Ноги будто принадлежали человеку, который несколько недель не вставал с кровати.
Я расставила руки, удерживая равновесие.
Перед глазами поплыли серые пятна.
Я закрыла их.
Постояла.
Открыла снова.
Ничего вокруг.
Но теперь я начала различать собственное тело.
Не потому, что появилось освещение.
Скорее потому, что глаза постепенно научились отделять чуть более светлое от абсолютно чёрного.
Руки. Край одежды. Ноги. Ступни были босыми, мокрыми, испачканными землёй.
Почему — не помнила.
На мне оставалась одежда, в которой я была в лесу.
Разорванная.
Местами влажная.
На боку ткань прилипла к коже.
Я осторожно коснулась.
Боль.
Живая.
Настоящая.
Хорошо.
Наверное.
Я выпрямилась, насколько смогла.
Первое, что я сделала после этого, было настолько привычным, что я даже не задумалась.
Позвала тень.
Просто протянула руку и потянулась туда, где всегда чувствовала собственную магию.
Ничего.
Я нахмурилась.
Попробовала снова.
Обычно тень отзывалась ещё до того, как я формулировала приказ.
Сейчас не отзывалось ничего.
Не сопротивление.
Не усталость.
Не пустой запас силы.
Я вообще не понимала, куда тянуться.

Будто всю жизнь у меня существовала ещё одна конечность, а теперь её не было — и тело всё равно по привычке пыталось ею пошевелить.

Я замерла.

Нет.

Ещё раз.

Магия.

Я искала её внутри себя.

То место, где всегда ощущался тихий холод тени.

Тонкое движение силы под кожей.

Связь с пространством.

Хоть что-нибудь.

Ничего.

Сердце забило быстрее.

Я попробовала вызвать крылья.

Безрезультатно.

Я попыталась нащупать то странное новое чувство, которое появилось в лесу. То мгновение, когда мир будто перестал быть цельным и раскрылся передо мной линиями, узлами, связями.

Линии.

Узлы.

Структуру.

Ничего.

Я не чувствовала даже пространство.

Это оказалось страшнее всего.

Любое место имело магию.

Велария.

Дворец.

Лес.

Даже обычный камень хранил следы.

Я всю жизнь не думала об этом, как человек не думает о воздухе, пока может дышать.

Сейчас вокруг меня мог находиться древний артефакт.

Разлом.

Защитный барьер.

Что угодно, если уж совсем не повезло.

Я бы ничего не почувствовала.

Я была...

Обычной.

Нет.

Даже обычный человек хотя бы знает, где находится.

Я не знала ничего.

Попыталась позвать Морвэна уже вслух.

— Морвэн.

Тишина.

— Морвэн!

Голос ушёл в темноту.

Эха не было.

Я резко повернула голову.

Ничего.

— Каэль?

Глупо.
Но я всё равно подождала.
Потом коснулась запястья.
Браслет был на месте.
Я едва не рассмеялась от облегчения.
Пальцы сомкнулись вокруг металла.
Холодный.
Мёртвый.
Я прижала ладонь сильнее.
Ничего.
Никакого слабого тепла.
Никакого отклика.
Даже ощущения, что на другом конце связи кто-то существует.
— Нет.
Я сжала браслет.
— Нет, нет, нет.
Ничего.
Я заставила себя отпустить.
Паника здесь бесполезна.
Фраза прозвучала голосом Каэля.
От этого стало только хуже.
Я глубоко вдохнула.
Раз.
Ещё.
Тело дрожало.
Сил было так мало, что даже стоять становилось отдельной задачей.
Но лежать и ждать я не собиралась.
Вопрос был только один.
Куда идти?
Я оглянулась.
Вперёд — тьма.
Назад — тьма.
Справа.
Слева.
Одинаково.
Ни горизонта.
Ни стены.
Ни света.
Я наклонилась, коснулась пола. Он был. Для начала и этого достаточно.
Я выбрала направление.
Почему именно его — понятия не имела.
Сделала шаг.
Потом второй.
Третий.
Мои босые ступни почти не издавали звука.
Только тихий шорох кожи по гладкой поверхности.
Я начала считать.
Четыре.
Пять.

Шесть.
На двенадцатом шаге закружилась голова.
На двадцать третьем я остановилась.
На тридцатом решила, что считать — плохая идея.
На сорок седьмом продолжила.
Пятьдесят.
Пятьдесят один.
Пятьдесят два.
Пространство не менялось.
Я шла.
Иногда мне казалось, что стою на месте.
Я поворачивалась назад.
Ничего.
Следов не было.
Я снова шла.
Сто.
Сто один.
На сто шестнадцатом сбилась.
Начала сначала.
Это давало хотя бы занятие.
Один.
Два.
Три.
Через некоторое время я перестала чувствовать ступни.
Потом снова почувствовала — когда боль стала слишком сильной.
Я опустилась на пол.
Колени дрожали.
Пальцы тоже.
Я обняла себя руками.
Темнота вокруг оставалась равнодушной.
Если это не смерть, то она подозрительно на неё похожа.
Мысль пришла спокойно.
Я позволила ей остаться.
Может быть, я ошиблась.
Может быть, пульс ничего не доказывает.
Может быть, смерть просто даёт человеку тело из памяти.
Чтобы было чем идти.
Куда?
Хороший вопрос.
Если это загробная жизнь, организация оставляла желать лучшего.
Я тихо фыркнула.
Звук показался почти кошунственным.
Потом стало совсем не смешно.
Если я умерла, сколько я буду здесь?
Пока не забуду себя снова?
Эта мысль оказалась хуже предыдущих.
Я только что собрала собственное имя по кускам.
Что, если оно снова исчезнет?
Я произнесла вслух:

— Мираэль.
Голос звучал увереннее.
— Мираэль... наследница престола Эрэбии.
Я остановилась. Титул. Род. Всё вернулось. Не полностью, но достаточно. Я перечисляла факты, как на экзамене.
Мне двадцать четыре.
Я родилась в Эрэбии.
Моя мать — Элиса.
Мой отец — Ариэл.
Я училась в Веларии.
Лана ненавидит ранние занятия.
Каэль считает молчание полноценным ответом.
Морвэн считает любое личное пространство формой вызова.
Алькарин ест так, будто последний пир состоялся тысячу лет назад.
Сайн раздражает меня одним существованием.
Арин...
Я замолчала.
Арин ранен.
Я его спасала.
Он сказал «прости».
Зачем?
Я не знала.
Но память о его голосе не уходила.
Я поднялась.
Ноги протестовали.
Я пошла дальше.
На этот раз не считала.
Просто шаг.
Ещё.
Ещё.
Время потеряло смысл.
Я успела несколько раз сесть.
Один раз легла прямо на холодную поверхность и закрыла глаза.
Когда открыла, ничего не изменилось.
Я могла проспать минуту, несколько часов — а могла и вовсе не спать. Здесь невозможно было понять. Голод не приходил, жажда тоже. Тело болело и слабело, но почему-то не требовало ничего привычного. Это снова заставило подумать о смерти.
Может быть, именно так всё и заканчивается.
Не светом.
Не встречей с ушедшими.
Не ответами.
Просто долгой дорогой в пространстве, которому до тебя нет дела.
Человек идёт, пока помнит, зачем идти.
А потом...
Я остановилась.
Нет.
Мне не понравилось продолжение.
Я пошла быстрее.
Через несколько шагов пришлось замедлиться.

Сил не хватало даже на красивый жест упрямства.
Я ненавидела это.
Ненавидела слабость.
Ненавидела отсутствие магии.
Ненавидела тишину.
Но сильнее всего — невозможность что-либо сделать.
Всю жизнь рядом находился кто-то, кто знал больше.
Родители.
Наставники.
Хранители.
Морвэн.
Сайн.
Каэль иногда тоже.
Каждый будто оставлял себе кусок правды.
Каждый объяснял это по-своему.
Заботой.
Приказом.
Необходимостью.
Защитой.

А теперь я стояла в месте, где не было вообще ничего, и впервые не могла даже начать искать ответ.

Потому что не знала, существует ли он.
Я стиснула зубы.
— Если это смерть, — сказала я в пустоту, — могла бы хотя бы представиться.
Тишина.
— Прекрасный разговор.
Я сделала ещё шаг.
И увидела дверь.
Остановилась.
Сначала решила, что сознание наконец устало.
Я моргнула.
Дверь осталась.
Она стояла прямо впереди.
Не в стене.
Стены не было.
Просто высокая тёмная дверь посреди ничего.
Я смотрела на неё так долго, что начали болеть глаза.
Потом медленно подошла.
Каждый шаг давался тяжелее предыдущего.
Дверь не приближалась слишком долго.
На мгновение возникло ощущение, что пространство снова играет со мной.
Но потом я всё-таки оказалась рядом.
Тёмное дерево.
Или материал, похожий на дерево.
Высокая.
Выше меня почти вдвое.
Без рисунков.
Без надписей.
Без ручки с этой стороны.

Я обошла её.
С обратной стороны ручка была.
Я вернулась обратно.
Потом снова обошла.
— Конечно.
Голос прозвучал хрипло.
— Дверь без стены. Почему бы и нет.
Я положила ладонь на поверхность.
Холодная.
Настоящая.
Твёрдая.
Впервые за всё время вокруг существовало что-то, кроме меня и пола.
Я не знала, должна ли радоваться.
Если дверь появилась здесь не случайно, значит, кто-то её поставил.
Или создал.
Или ждал, пока я дойду.
Последняя мысль мне не понравилась.
Я снова обошла дверь и встала перед ручкой.
Металл был ледяным.
Я не чувствовала в нём магии.
Конечно.
Я теперь вообще ничего не чувствовала.
Пальцы дрогнули.
Можно было не открывать.
Сесть рядом.
Ждать.
Чего?
Я почти рассмеялась.
Нет.
Я нажала на ручку.
Дверь открылась легко.
За ней был свет.
Слишком яркий.
Я зажмурилась.
Сделала шаг.
Мир вспыхнул белым.
На мгновение исчезло всё.
Потом под ногами оказался камень.
Я пошатнулась.
Рука инстинктивно метнулась в сторону и встретила стену.
Настоящую.
Холодную.
Шероховатую.
Я открыла глаза.
Коридор.
Первое слово пришло сразу.
Длинный.
Узкий только по сравнению с высотой.
Потолок терялся где-то наверху, во мраке.

Стены были сложены из почти чёрного камня.
Никаких окон.
Никаких дверей.
Никаких картин, светильников, ковров, мебели — ничего, что объясняло бы, зачем вообще построили это место.
И всё же здесь был свет.
Слабый.
Холодный.
Серебристо-серый.
Он словно существовал в самом воздухе, не исходя ни от стен, ни от потолка.
Мне хватало его, чтобы видеть пол в нескольких шагах впереди.
Дальше коридор снова растворялся во тьме.
Я резко обернулась.
Двери не было.
За спиной тянулась такая же стена.
Несколько секунд я просто смотрела на неё.
Потом провела рукой по камню.
Ни шва.
Ни проёма.
Ничего.
— Прекрасно.
Мой голос вернулся эхом.
Первым эхом за всё время.
Оно прокатилось по коридору и постепенно стихло.
Я замерла.
Теперь тишина ощущалась иначе.
У неё были стены.
Это почему-то делало её страшнее.
Я прислушалась.
Ничего.
Ни шагов.
Ни дыхания.
Ни движения воздуха.
Я снова попыталась почувствовать магию.
Привычка.
Никакого отклика.
С тем же успехом я могла быть человеком, который впервые услышал слово «магия» из чужого рассказа.
Я коснулась стены.
Если здесь были чары, я не знала.
Если за следующим поворотом стояла армия — тоже.
Если весь коридор был иллюзией — поздравляю.
Проверить нечем.
Я пошла.
Топ.
Топ.
Топ.
Теперь шаги звучали громко.
Камень возвращал каждый удар.

Сначала это раздражало.
Потом стало успокаивать.
Я хотя бы слышала доказательство собственного существования.
Топ.
Топ.
Топ.
Коридор не менялся.
Стены.
Пол.
Высокая темнота над головой.
Иногда мне казалось, что впереди появляется поворот.
Я доходила — никакого поворота.
Просто игра света.
Один раз остановилась и прислонилась к стене.
Сердце колотилось слишком быстро.
Ноги снова дрожали.
Я сползла на пол и сидела, пока дыхание не стало ровнее.
Сколько ещё?
Я не знала.
Вернуться назад?
Туда, где нет двери?
Отличный план.
Я поднялась.
Пошла дальше.
На этот раз медленнее.
Коридор был слишком правильным.
Слишком пустым.
Как замок какого-нибудь древнего тирана, который выгнал всю прислугу, снял картины
и решил оставить после себя исключительно архитектурную тревогу.
Мысль возникла настолько нелепая, что я почти улыбнулась.
Почти.
Потом вспомнила, что понятия не имею, кто хозяин.
Улыбка исчезла.
Топ.
Топ.
Топ.
Я начала замечать мелочи.
Каменные плиты на полу были одинакового размера.
Между ними не было пыли.
Стены не имели ни одной трещины.
Ни паутины.
Ни следа времени.
Как будто коридор не построили.
Он просто существовал.
Я коснулась очередной стены.
Холод.
И всё.
Никакой магии.
Никакой жизни.

Я впервые по-настоящему испугалась того, что силы могут не вернуться.
До этого мысль казалась временной.
Истощение.
Шок.
Что-нибудь.
Но чем дольше я шла, тем труднее было убеждать себя.
А если нет?
А если это навсегда?
Что останется от меня без магии?
Вопрос был отвратительным.
Я тут же разозлилась на себя.
Я — не магия.
Знала это.
Должна была знать.
Но слишком многое в моей жизни было построено вокруг неё.
Фея без магии.
Наследница Эрэбии без магии.
Девочка, которая в семь лет старалась удержать серебряный цветок над ладонью целую минуту...
Я остановилась.
Серебряный цветок.
Воспоминание появилось внезапно.
Маленькая ладонь.
Боль в пальцах.
Желание показать маме.
Потом — коридор.
Чужой голос.
«Выпрями спину».
Я закрыла глаза.
Почему я вспомнила это сейчас?
Образ исчез.
Но после него осталось странное чувство.
Лес.
Я была ребёнком.
Бежала куда-то.
Плакала.
Дальше ничего.
Память снова закрылась.
— Не сейчас, — прошептала я.
Не знала, кому.
Себе.
Прошлому.
Этому месту.
Я пошла дальше.
И через несколько шагов увидела вторую дверь.
На этот раз она была частью стены.
Большая.
Двухстворчатая.
Чёрная, почти сливающаяся с камнем.

Если бы свет падал немного иначе, я могла бы пройти мимо.
Я остановилась.
С первой дверью всё было проще.
Там не было выбора.
Либо открыть, либо оставаться в пустоте.
Сейчас за спиной был коридор.
Бесконечный, бесполезный, но знакомый.
Впереди — неизвестность.
Я стояла очень долго.
По крайней мере, мне так казалось.
Никаких сил.
Никакой магии.
Никакой связи.
Если за дверью опасность, я не смогу сделать почти ничего.
Можно ударить.
Наверное.
При условии, что противник будет достаточно любезен, чтобы подойти близко и дожждаться, пока я перестану шататься.
Убедительно.
Я посмотрела назад.
Коридор уходил во тьму.
Нет.
Я подошла к двери.
На этот раз ручка была на месте.
Тёмный металл.
Холодный.
Пальцы легли на него.
Я не нажала.
Что-то внутри требовало остановиться.
Не магия.
Не предчувствие.
Обычный страх.
Наверное, именно поэтому я ему поверила.
За дверью что-то было.
Не обязательно живое.
Не обязательно опасное.
Но всё это — пустота, первая дверь, коридор — слишком явно куда-то вело.
Меня вели.
Мысль пришла впервые.
Не я нашла путь.
Мне его дали.
Кто?
Я медленно выдохнула.
— Сейчас узнаем.
Ручка поддалась.
Створка открылась бесшумно.
И я увидела зал.
Огромный.
Настолько, что первые секунды мозг отказывался оценивать расстояние.

Колонны уходили вверх и растворялись в темноте.
Пол был почти чёрным, гладким, местами отражал холодный свет.
Где-то очень высоко терялся потолок.
Окон не было.
Стен почти не было видно.
Только пространство.
Глубокое.
Тёмное.
И впереди — далеко, на другом конце зала — возвышение.
Несколько ступеней.
Трон.
Я остановилась на пороге.
На троне кто-то сидел.
Человеческая фигура.
Больше я не могла разобрать ничего.
Слишком далеко.
Слишком темно.
Только силуэт.
Одна рука лежала на подлокотнике.
Фигура сидела спокойно.
Расслабленно.
Так, будто ждать было привычным занятием.
Я не вошла.
Не сразу.
Сердце стучало так громко, что я слышала его в ушах.
Впервые за всё время здесь был кто-то ещё.
Я должна была обрадоваться.
Не обрадовалась.
Фигура не шевельнулась.
Не спросила, кто я.
Не поднялась.
Не удивилась, что дверь открылась.
Просто сидела.
И смотрела в мою сторону.
Я не видела лица.
Не чувствовала магии.
Не знала, кто находился передо мной.
Но одну вещь поняла сразу.
Кто бы там ни сидел — он уже знал, кто я.

ГЛАВА 2

Чужое имя

Я всё-таки вошла.

Не потому, что перестала бояться. Скорее потому, что после пустоты, бесконечного коридора и двух дверей возвращаться назад казалось ещё более бессмысленным, чем идти вперёд. Створка осталась за спиной. Я не услышала, как она закрылась, но почему-то не стала проверять.

В прошлый раз дверь исчезла, стоило мне отвернуться. Если эта тоже решила повторить трюк, знание об этом вряд ли помогло бы. Я смотрела на фигуру на троне. Он не двигался. Расстояние между нами было слишком большим, чтобы разглядеть лицо.

Но по очертаниям фигуры я уже могла предположить: передо мной человек. Или кто-то, кто очень старательно выглядел как человек.

— Эй.

Голос прокатился по залу и вернулся ко мне слабым эхом. Никакой реакции. Я подождала.

— Вы меня слышите?

Тишина. Прекрасно. Единственное живое существо, которое я нашла за всё это время, решило притвориться частью интерьера.

Я сделала несколько осторожных шагов. Пол под ногами был гладким, холодным и слишком ровным. Мои босые ступни уже ныли после бесконечной прогулки, но сейчас эта боль даже помогала. Она была понятной. Настоящей. В отличие от всего остального. Фигура впереди по-прежнему не шевелилась.

— Где я?

Ответа не последовало.

— Кто вы?

Ничего. Я остановилась.

— Если это какой-то очень сложный ритуал молчания, предупреждаю: я сейчас не в настроении его уважать.

На этот раз мне показалось, что сидящий на троне чуть изменил положение головы. Или хотелось так думать. Я пошла дальше. Чем ближе подходила, тем больше деталей проступало из полумрака.

Сначала ноги. Тёмные брюки, высокие сапоги. Носок одного сапога чуть выдвинут вперёд. Никакой брони. Никакого оружия, по крайней мере видимого. Потом руки.

Одна лежала на подлокотнике совершенно свободно. Длинные пальцы, расслабленные, будто человек передо мной не ждал незваного гостя, а скучал в собственном кабинете. Вторая рука покоилась ближе к колену. Ни одного напряжённого движения. Это начало раздражать.

Я едва могла идти прямо. Не чувствовала магию. Не знала, сколько времени провела в пустоте. Даже не понимала, действительно ли жива — или только очень убедительно изображаю живого человека. А он сидел так, словно всё шло строго по расписанию.

— Очень рада, что хотя бы кому-то здесь удобно, — пробормотала я.

Ещё несколько шагов. Теперь я различала одежду. Тёмная рубашка простого кроя, без вышивки и украшений. Однако сидела она настолько безупречно, что назвать её обычной язык

не поворачивался. Несколько верхних пуговиц были расстёгнуты, рукава свободно доходили до запястий.

Никаких знаков рода. Никаких гербов. Никакой формы Хранителей. Вообще ничего, что могло бы подсказать, кто он. Только раздражающее ощущение, что человек на троне точно знает ответ на этот вопрос и прекрасно проводит время, наблюдая, как я его ищу. Я прищурилась. Волосы. Тёмные. Длинные.

Они свободно спадали по плечам и терялись в тенях за спиной. Что-то внутри меня дёрнулось. Знакомое. Не сами волосы. Линия плеч. Положение головы. То, как он сидел, чуть откинувшись назад, словно не видел ни одной причины напрягаться. Я сделала ещё шаг.

— Мы знакомы?

Молчание.

— Потому что если да, то это крайне неудачный момент для загадок.

Он всё ещё не отвечал.

Мне пришлось остановиться и перевести дыхание. Сердце опять разгонялось быстрее, чем должно было после нескольких шагов. Я ненавидела это почти физически. Ненавидела необходимость следить за каждым вдохом, будто тело теперь существовало отдельно от меня и могло в любой момент объявить забастовку.

Я сжала зубы и продолжила. До трона оставалось уже не так много. Тёмный силуэт постепенно превращался в человека. Высокого. Не худого, не хрупкого.

Широкие плечи под рубашкой. Расслабленная осанка. И всё сильнее — это мерзкое ощущение узнавания. Нет. Не может быть. Я замедлилась. Он наконец поднял голову. Сначала я увидела глаза. Почти чёрные.

В настолько тёмной радужке граница со зрачком почти исчезала, и всё же в этой черноте были крошечные светлые точки. Не отражение света зала. Они будто находились глубже. Звёзды. Совсем маленькие. Далёкие. На секунду мне вспомнился Морвэн.

Его глаза, когда тень становилась плотнее и человеческий облик переставал быть просто очертанием. Мысль вспыхнула и тут же потерялась. Потому что уголок губ незнакомца медленно приподнялся. Я знала эту улыбку. Слишком хорошо. Ещё полшага — и свет наконец коснулся лица целиком.

У меня остановилось сердце. Не буквально. Наверное. Хотя в нынешнем состоянии я уже не была уверена ни в чём. Я просто застыла посреди зала и смотрела. На знакомый изгиб бровей. На линию носа.

На губы, которые слишком часто складывались в насмешливую улыбку именно тогда, когда нормальный человек предпочёл бы промолчать. На подбородок. На лицо, которое совсем недавно было белым от потери крови. Только волосы стали значительно длиннее.

И глаза...

Глаза я тоже знала. Теперь, когда увидела их близко, сомнений не осталось. Те же почти чёрные глаза. Те же странные искры в глубине. Я уже видела их у костра. В лесу. Когда он смеялся. Когда слишком внимательно слушал ответы, будто за обычными словами искал что-то ещё.

Арин.

Он посмотрел на меня и улыбнулся чуть заметнее.

— Ну привет, принцесса.

Несколько секунд я просто стояла. Наверное, именно так выглядит момент, когда все мысли одновременно возвращаются и решают врезаться друг в друга.

— Арин?

Имя прозвучало глупо. Он не поправил. Не кивнул. Просто продолжал смотреть. Его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на плечах, опустился ниже — руки, бок, ноги — и вернулся обратно. Быстро. Почти незаметно.

Я бы, может быть, задумалась об этом, если бы в голове не взорвалось всё остальное.

— Какого хрена?

Улыбка стала шире.

— Нет. Нет, даже не смей сейчас вот так улыбаться. Почему ты здесь?

Он молчал.

— Почему ты сидишь на троне?

Молчание. Я сделала ещё несколько шагов.

— Где мы вообще? Почему ты мне не отвечал? Я сколько-то... я даже не знаю сколько... шла по абсолютно пустому ничему, потом по коридору, где нет ни окон, ни дверей, ни нормального света, и всё это время ты сидел здесь?

Арин чуть наклонил голову. Это движение тоже было знакомым. И именно поэтому меня разозлило ещё сильнее.

— Не делай так.

Его бровь едва заметно приподнялась.

— Вот это своё лицо. Будто я сейчас сказала что-то очень интересное.

Он не сказал ни слова.

— Я очнулась... Нет, я даже не очнулась. Сначала меня вообще не было. Или тело не было. Или... я не знаю. Я буквально не помнила собственного имени.

Последние слова вылетели быстрее, чем я успела решить, хочу ли вообще говорить ему об этом. Но остановиться уже не получалось.

Это было почти физическое облегчение — слышать собственный голос и видеть знакомое лицо, даже если это лицо принадлежало человеку, которого в данный момент хотелось ударить. После бесконечной тишины мне было всё равно, насколько бессвязно я говорю.

— Я не чувствую магию. Вообще. Ни свою, ни магию этого места. Связь с Морвэном пропала. Браслет Каэля не отвечает. Я не знаю, где остальные, сколько прошло времени и что случилось после леса. Последнее, что я помню, — ты почти умирал у меня на руках, потом сказал какую-то загадочную ерунду, и дальше темнота. А теперь ты...

Я показала на него обеими руками.

— Ты вот.

Это прозвучало хуже, чем хотелось.

— Весь такой.

Ещё хуже.

— На троне.

Он молчал.

— С длинными волосами.

Вот теперь его губы дрогнули. Я уставилась на него.

— Да, я понимаю, что из всех вопросов именно этот звучит наиболее важным. Но ты был с короткими волосами.

Арин опустил взгляд на одну из длинных прядей у плеча так, будто только сейчас обнаружил её существование.

— Не надо.

Он снова посмотрел на меня.

— Господи, ты невыносим.

Я пошла ближе, продолжая говорить.

— И почему ты выглядишь так, будто тебе вообще ничего не было? Нет, серьёзно. Ты хотя бы понимаешь, насколько всё это ненормально? Потому что я начинаю подозревать, что из нас двоих только я получила инструкцию проснуться в ничто и самостоятельно дойти до следующего этапа этого... чего бы это ни было.

Дыхание сбилось на середине фразы. Я попыталась проигнорировать. Ещё слово. Ещё шаг. Воздух внезапно перестал нормально доходить до лёгких. Я остановилась. Нет. Не сейчас. Я только начала. Попыталась вдохнуть глубже и сразу пожалела: перед глазами потемнело, колени стали мягкими.

Пришлось согнуться и упереться ладонями в них.

— Погоди.

Голос получился тише. Я втянула воздух.

— Секунду, я сей... час.

Какая-то часть меня понимала, насколько нелепо это звучит. Другая была занята тем, чтобы не рухнуть лицом на каменный пол незнакомого зала перед человеком, которого я только что десять минут отчитывала. Я закрыла глаза. Вдох. Выдох. Ещё.

Сердце постепенно перестало пытаться выскочить из груди.

— Это временно, — пробормотала я скорее себе, чем ему. — Наверное.

Когда я подняла голову, Арин всё ещё сидел на месте. Но уже не совсем так. Пальцы, ещё недавно расслабленно лежавшие на подлокотнике, теперь заметно сжались. Улыбка исчезла. Всего на мгновение. Его взгляд был прикован ко мне так внимательно, что я почти спросила, чего он уставился.

Потом я выпрямилась. Он снова расслабился. Уголок губ вернулся на место. Я нахмурилась.

— Даже не думай смеяться.

Он не рассмеялся. Почему-то это оказалось подозрительнее. Я сделала ещё один осторожный вдох.

— Так. Где я остановилась?

Арин чуть приподнял бровь.

— Ах да. На том, что ты редкостная заноза.

Молчание.

— Спасибо, что напомнил.

Я снова пошла к трону. На этот раз медленнее. Силы кончались быстрее, чем терпение, а терпение находилось при смерти ещё до моего пробуждения. И всё же теперь было легче. Нефизически. Просто рядом наконец находился кто-то знакомый. Да, подозрительный.

Да, совершенно очевидно что-то скрывающий. Да, сидящий на троне в месте, где я каким-то образом оказалась после почти смертельной битвы. Но знакомый. После пустоты даже Арин казался почти подарком судьбы. Это понимание меня раздражало. Наверное, именно поэтому я продолжала говорить.

— Каэль меня убьёт.

Арин молчал.

— Если я вообще до него доберусь.

Последняя фраза прозвучала тише. Я отогнала воспоминание о том, как в пустоте успела попрощаться со всеми, кого любила, и снова сосредоточилась на Арине.

— Морвэн тоже, — продолжила я. — Сначала убьёт. Потом, возможно, спросит, где я была.

Арин едва заметно усмехнулся.

— Вот. Уже прогресс. Мимика есть. Может, скоро дойдём до речи.

Никакой реакции.

— Или нет.

До нижней ступени оставалось несколько метров. И вдруг я вспомнила. Рана. Мысль возникла настолько резко, что я остановилась посреди шага. Арин был ранен. Не просто ранен. Я видела кровь. Слишком много. Чувствовала, как его дыхание становилось всё слабее. Держала ладонь на его боку.

Пыталась закрыть то, что уже почти не закрывалось. Магия уходила в него. Я была уверена, что если остановлюсь, он умрёт. Мой взгляд сам опустился. На его бок. Тёмная рубашка лежала ровно. Ни повязки. Ни крови. Ни следа разорванной ткани. Арин проследил за моим взглядом.

Медленно посмотрел на собственный бок. Потом снова на меня. Я нахмурилась.

— Так.

Он молчал.

— Не поняла.

Я подошла ближе. Теперь между нами оставались только ступени.

— Где?

Его взгляд снова опустился вниз.

— Ранение, Арин.

Ни ответа.

— Повязка.

Молчание.

— Хотя что-нибудь, что подтвердит, что я не придумала последние часы своей жизни.

Он смотрел на меня с тем же почти ленивым вниманием. Этого было достаточно. Я поднялась на первую ступень. Потом на вторую. Ноги тут же напомнили, что считают происходящее крайне плохой идеей. Я проигнорировала.

— Ты едва дышал.

Ещё ступень.

— У тебя весь бок был в крови.

Ещё.

— Я буквально ползала по земле рядом с тобой.

Теперь я стояла почти вплотную. Арин всё ещё сидел. С такого расстояния сходство с тем человеком из леса уже нельзя было списать ни на освещение, ни на усталость. Это было его лицо. Абсолютно. Только волосы длиннее. Глаза будто темнее.

И в целом...

Нет. Не другой человек. Тот же. Просто в лесу он словно занимал меньше пространства. Здесь же весь зал будто был продолжением его спокойствия. И это мне совсем не нравилось. Я опустила взгляд на рубашку. Верхние пуговицы расстёгнуты. Никакой повязки. Ниже ткань тоже чистая.

— Подвинься.

Арин не двинулся.

— Очень смешно.

Я наклонилась и ухватила его за край рубашки сбоку. Он впервые за всё время чуть удивлённо моргнул.

— Где рана, я спрашиваю?

Одним движением дёрнула ткань вверх и в сторону, пытаюсь увидеть бок. Чистая кожа. Никакого пореза. Никакого шрама. Ничего. Я застыла. Пальцы всё ещё сжимали рубашку.

— Нет.

Я посмотрела внимательнее. Может быть, выше. Ниже. Не там. Я отпустила ткань только затем, чтобы тут же снова ухватиться и оттянуть её сильнее. Арин позволил. Конечно позволил. Сидел с таким выражением лица, будто происходящее было исключительно моей проблемой.

— Где она?

Он посмотрел на меня.

— Не смотри так. Я её видела.

Молчание.

— Я держала её руками.

Я резко отпустила рубашку. Ткань вернулась на место.

— Ты был весь в крови.

Он продолжал смотреть.

— Ты не мог вот так просто...

Я отступила на полшага. Мир качнулся. Пришлось широко поставить ноги, чтобы удержаться. Нет. Это уже не просто странно. Я снова посмотрела на него. Целый. Спокойный. Сидящий на троне. Ни следа того Арина, которого я пыталась вытащить с поляны. И вдруг первая мысль из пустоты вернулась.

Я умерла?

Нет. Пульс. Тело. Боль. Я всё это проверила. Но что именно это доказывает? Я смотрела на Арина и чувствовала, как логика снова начинает рассыпаться.

— Погоди.

На этот раз я сказала это не из-за дыхания. Я подняла ладонь.

— Нет. Вообще ничего не говори.

Он и не собирался.

— Мне нужно понять.

Я отошла на шаг. Потом ещё на один. Не потому что боялась его. Потому что мне вдруг понадобилось расстояние. Я начала ходить вдоль ступеней, медленно, насколько позволяли ноги.

— Вариант первый. Я жива.

Арин проводил меня взглядом.

— Это пока наиболее приятная версия.

Я загнула палец.

— Я каким-то образом оказалась здесь. Ты тоже каким-то образом оказался здесь. Твою рану кто-то вылечил за... неизвестно сколько времени. И заодно отрастил тебе волосы.

Его губы снова дёрнулись.

— Не цепляйся к волосам. Они объективно подозрительные.

Я загнула второй палец.

— Вариант второй. Я умерла.

Произнести это вслух оказалось тяжелее, чем раньше. Но теперь рядом был кто-то, кому можно было сказать слова.

— Тогда всё это может быть... не знаю. Посмертием. Иллюзией, созданной моим собственным сознанием. Последней вспышкой перед тем, как оно окончательно выключится.

Я посмотрела на него.

— И ты тогда не настоящий.

Арин не изменился в лице.

— Что, кстати, объясняло бы, почему ты так раздражающе здоров.

Я прошла обратно.

— Но тогда возникает вопрос: почему именно ты?

Я задумалась.

— Серьёзно. Если сознание решило собрать для меня личный загробный мир, у него отвратительные приоритеты.

Арин тихо выдохнул носом. Почти смех. Я ткнула в него пальцем.

— Не радуйся. Это не комплимент.

Продолжила ходить.

— Я могла бы увидеть маму. Папу. Лану. Каэля. Морвэна. Хотя нет, Морвэн бы, наверное, всё равно нашёл способ оказаться здесь без приглашения.

На секунду внутри неприятно сжалось. Я заставила себя не останавливаться.

— Но нет. Мне достался ты. На троне.

Я посмотрела на трон.

— Очень скромно, кстати.

Потом снова на Арина.

— Если это мой личный ад, то он слишком много знает о твоём чувстве собственного достоинства.

На этот раз улыбка у него стала почти настоящей. И от этого почему-то стало не легче.

— Вариант третий.

Я замолчала. Он ждал. Я тоже. Мысль мне не нравилась.

— Мы умерли оба.

Тишина в зале будто стала плотнее. Я посмотрела на него внимательнее.

— Я не смогла тебя спасти.

Слова ударили неприятно. Я с трудом сглотнула.

— Я продолжала отдавать силу, но было слишком поздно. Ты умер. Потом умерла я. И теперь мы...

Я оглядела зал.

— Здесь.

Никакой реакции.

— Нет.

Я сама покачала головой.

— Тогда почему ты здесь раньше меня? Почему ты выглядишь так, будто уже успел освоиться? Почему я собирала собственное имя по кускам, а ты сидишь на троне так, словно заказал этот зал заранее?

Последняя фраза заставила меня остановиться. Арин смотрел прямо на меня. Не улыбался. Просто смотрел. Внутри что-то неприятно шевельнулось. Я вспомнила первую дверь. Появившуюся только после того, как я шла неизвестно сколько. Коридор. Вторую дверь. Этот зал.

То, как фигура на троне вообще не удивилась моему появлению.

— Ты знал.

Он не ответил. Я медленно подошла обратно к ступеням.

— Ты знал, что я там.

Молчание.

— В той пустоте.

Его взгляд не дрогнул.

— Ты знал, что я иду сюда.

Я почувствовала, как по спине проходит холод. Не магический. Обычный. Человеческий.

— Арин.

Он смотрел.

— Ты вообще настоящий?

Никакого ответа. Я рассмеялась один раз. Коротко. Без радости.

— Это потрясающе.

Мне снова стало тяжело дышать, но теперь я не понимала, тело это или паника. Наверное, оба. Я опустила руки.

— Я правда не знаю, что происходит.

— Я очнулась и не знала, кто я. Потом вспомнила. Потом решила, что умерла. Потом нашла тело. Потом обнаружила, что во мне нет магии. Потом шла столько, что перестала понимать, существует ли вообще время.

Голос начал дрожать. Я разозлилась на него за это.

— Я попрощалась со всеми в собственной голове, Арин.

Его лицо едва заметно изменилось. Совсем чуть-чуть. Если бы я не смотрела прямо на него, не заметила бы.

— Я успела решить, что больше никогда их не увижу.

Я втянула воздух.

— Потом появилась дверь. Потом ещё одна. И теперь передо мной сидишь ты. Целый. Без раны. С другими волосами. В месте, которое выглядит так, будто ты здесь хозяин.

Я подошла ближе.

— Поэтому давай ты сейчас перестанешь молчать и скажешь мне хотя бы одну вещь, которая имеет смысл.

Арин медленно провёл языком по внутренней стороне щеки. Я узнала это движение. Он делал так, когда сдерживал улыбку.

— Арин.

Молчание.

— Хватит.

Его взгляд стал чуть внимательнее. Я почувствовала, как терпение окончательно заканчивается.

— Ты вообще понимаешь, что я сейчас могу сделать? Ничего. Абсолютно ничего. У меня нет магии. Я едва стою. Я не знаю, где нахожусь. Единственный человек, которого я здесь знаю, сидит передо мной и изображает очень красивую, очень раздражающую статую.

Уголок его губ приподнялся.

— Не улыбайся.

Улыбка осталась.

— Я серьёзно.

Он чуть подался вперёд. Впервые. Совсем немного. И этого хватило, чтобы весь воздух вокруг будто изменился. Не магически. Я по-прежнему ничего не чувствовала. Просто поза стала другой. Внимательнее. Ближе.

— Закончила? — спросил он.

Я замерла. Первое слово после приветствия. Конечно. Я открыла рот. Закрыла.

— Нет.

Он кивнул, будто именно этого и ожидал.

— Но можешь начать отвечать.

— Могу.

Я уставилась на него.

— Что?

— Отвечать.

— Я слышала. Меня удивляет сам факт.

— Значит, уже лучше.

Я некоторое время смотрела на него.

— Ты издеваешься.

— Немного.

Вот он. Арин. Тот самый. Этого короткого обмена хватило, чтобы внутри что-то болезненно расслабилось. Знакомое. Нормальное. После всего, через что я прошла, его идиотская манера отвечать была почти родной.

Наверное, именно поэтому я не сразу заметила, насколько неправильным оставалось всё остальное.

— Хорошо, — сказала я. — Начнём с простого. Где мы?

Он чуть склонил голову.

— Здесь.

Я закрыла глаза.

— Я тебя сейчас ударю.

— В твоём состоянии не советую.

Я распахнула глаза.

— О, так ты всё-таки заметил.

На миг его выражение стало слишком нейтральным.

— Трудно не заметить.

— Тогда, возможно, объяснишь, почему я в таком состоянии?

Он не ответил. Вот и закончилось ощущение нормальности. Я медленно выдохнула.

— Ладно. Другой вопрос. Сколько времени прошло?

Он не ответил.

— Где остальные? Что с моей магией? Что произошло в лесу?

Я замолчала, ожидая хотя бы одного ответа. Арин продолжал смотреть на меня. Я стиснула зубы.

— Почему ты был ранен, а теперь нет?

Он перевёл взгляд на бок, где я только что дёргала рубашку. Потом снова на меня.

— Арин.

Его улыбка стала тоньше.

— Что?

— Ты сейчас специально заставляешь меня повторять твоё имя, потому что тебе нравится, как оно звучит?

Что-то в его взгляде изменилось. Не сильно. Но достаточно. Улыбка осталась. Глаза — нет. Они стали спокойнее. Серьёзнее. Я замолчала.

— Что?

Он ничего не сказал.

— Арин?

Пауза. Длинная. Потом он медленно откинулся назад.

— Это не моё имя.

Мне показалось, я неправильно услышала.

— Что?

Он тихо повторил имя, которым я его называла:

— Арин.

Слово прозвучало легко, почти чуждо.

— Но это имя не моё.

Я смотрела на него. Долго. Наверное, слишком долго. Мозг попытался принять фразу как очередную шутку. Не получилось.

— Очень смешно.

— Я не шучу.

На этот раз в его голосе не было даже намёка на насмешку. И от этого стало хуже. Я посмотрела на его лицо. То самое лицо. Которое видела у костра. В лесу. На поляне. Лицо человека, которого спасала.

— Тогда что это было?

Он молчал секунду.

— Имя, которым я воспользовался.

Холод медленно прошёл вдоль позвоночника.

— Воспользовался.

— Да.

Я повторила слово про себя. Воспользовался. Не прозвище. Не второе имя. Не ошибка. Имя, которым воспользовался.

Зачем?

Почему?

С самого начала?

Я вспомнила первую встречу. Его шутки. Вопросы. Советы. То, как легко он оказался рядом. То, как расспрашивал меня о вещах, которые не должен был знать. Детство. Сны. Морвэн. Хранители. Мой голос прозвучал тише:

— Тогда как тебя зовут?

Он смотрел на меня прямо. Улыбка почти исчезла. Осталась только едва заметная линия у уголка губ. И эти глаза. Чёрные. Со звёздами. Странно знакомые. Слишком знакомые.

— Лаксиан.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.